

Леонид

127
1984

Брянский рабочий
г. Брянск

31 МАИ 1984

ЕГО МЫСЛИ — ПРОГНОЗ ГРЯДУЩЕГО

СЕГОДНЯ замечательному советскому писателю Леониду Леонову исполняется 85 лет.

Еще А. М. Горький отмечал, что Леонов «один из наиболее крупных представителей той группы современных литераторов, которые продолжают дело классиков русской литературы, дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева и Льва Толстого». Ныне Л. М. Леонов — всемирно известный писатель, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда.

Мы публикуем несколько страничек из дневника писателя Петра Дудочкина, нашего земляка, живущего в городе Калинине. Странички эти — взволнованные размышления о Леониде Леонове, о его творчестве, о его человеческой сущности. Читателям, видимо, будет интересно знать, что именно Леонид Леонов в свое время рекомендовал принять Петра Дудочкина в Союз писателей. Что, как пишет наш земляк, «конечно же, еще глубже понять его обязала меня моя совесть».

Книги Леонида Максимовича Леонова — мудрость века, мудрость на века. Это мнение не отдельных критиков, а оценка из уст народа, голос Отечества, общечеловеческая истина. Именно поэтому читатели проявляют огромный интерес к собранию сочинений своего любимого художника-мыслителя, которое — дополненное новыми произведениями — выпускается в десяти томах в издательстве «Художественная литература».

Он родился в Москве 31 мая 1899 года, а корни рода — в Калужской деревне Полухино; там в Тарусском уезде в крестьянской семье родился его отец, известный журналист и поэт «сурковец» Максим Леонович Леонов (1872—1929), писавший под псевдонимом Максим Горемыка.

Общезвестны имена знаменитых классиков, понимающих жизнь природы и жизнь человека в мире природы философски глубоко, мудро, пророчески, с учетом уже известных и еще неведомых законов мироздания. Мне, когда думаю об этом, всегда представляется, что мироощущение и мировоззрение народа с наибольшей художественностью сосредоточены в трудах Леонида Леонова, будь то эпохальные романы «Русский лес», «Барсуки», «Вор», «Дорога на океан», «Скутаревский», «Бегство мистера Мак-Кинли» или пьесы «Нашествие», «Золотая карета», «Обыкновенный человек», или публицистические статьи о природе, о литературе, или речи и доклады.

Эпиграфом к жизни и деятельности писателя сами по себе просятся тютчевские многозначные стихи: «Так связан, ссоединен от века Союзом кровного родства Разумный гений человека С творящей силой естества... Скажи заветное он слово — И миром новым естество Всегда откликнется готово На голос родственный его». И он, Леонов, сказал свое заветное слово!

Незабываем профессор Иван Вихров в романе «Русский лес», готовый до самопожертвования оберегать на радость людям природу, а главное, величие и богатство человеческого духа. Задумавшись над судьбами леоновских героев, все читатели, независимо от уровня культуры, обретают новые полезные чувства и мысли, нужную для духовной энергии правду в поисках лично-

го счастья и социальных истин.

Как-то в Переделкине я восхищался неповторимостью форм выращенных Леонидом Максимовичем кактусов, которые с первого взгляда могли показаться одинаковыми. «Она всем учительница — природа», — улыбнулся писатель. Он больше ничего не сказал, зато эти четыре слова молвил так и с такой улыбкой, будто без назидания и в то же время со внушением посоветовал: и писательское слово не должно казаться повторением, а должно быть всегда открытием. Да, леоновские книги — это воинственную открытость.

Побывать с писателем не только час, а хотя бы минуту-другую — это значит чему-то научиться важному. Такое и вспомнить поучительно. Однажды в вечерний час я был у него дома: во время ужина зазвонил телефон, Леонид Максимович быстро вышел из-за стола (он, если здоров, всегда сам подходит к телефону) и, выслушав собеседника, сказал: «Прямо сейчас и заходите». Минут через десять—пятнадцать пожаловал средних лет человек, худощавый, стеснительно хлопотливый в движениях, но с уверенным, спокойным взглядом. Это был Александр Леонидович Дунаев, главный режиссер Московского театра драмы на Бронной. Заканчивая работы над спектаклем по пьесе «Аленушка», он просил позволения удалить мажорный эпизод, который не получался у артиста, от чего страдало все действие. «Мы с вами не имеем права на это», — возразил Леонид Максимович. — «Вы — автор, я — режиссер; наше с вами — чье же еще? — право, — стоял на своем гость. — Да и артист так хочет». «Нет, нет, мы не имеем права», — спокойно повторил хозяин дома, наливая гостю в стакан крепкого золотистого чая. «Тогда позвольте узнать, у кого же это право, если его нет ни у автора, ни у режиссера, ни у артиста?» «У кого?» — «У героя пьесы. С ним в первую очередь надо считаться, с персонажем», — улыбнулся Леонид Максимович. Он наколол на вилку ломтик черного хлеба и несколько секунд подержал его над включенным сбоку, у стены, каким-то прибором, вроде плитки. Вкусно запахло свежесдобренным хлебом, что любит хозяин дома.

Придет время, будет более

полно, чем ныне, изучено и обнародовано наследие писателя. Оно огромно, это богатейшее наследие! Удивляешься, как он, написавший много томов, находит время, чтобы внимательнейшим образом читать рукописи, книги соотечественников и чужестранцев, отвечать на письма, рецензировать, представлять молодых — и не только молодых! — на путь истинный. Письма, полученные от него, — а их у меня порядочно, — сколько бы ни перечитывал, заряжают новым вдохновением. Эпистолярное наследие (эта сторона творчества еще ждет своих исследователей), как и книги, тоже кладешь мудрости.

Разве забудется такое: послал я ему настольный «Сельский календарь», в редколлегии которого состою, а уже через неделю получаю ответ с добрым разбором ежегодника: «...материала для чтения в нем хватит, пожалуй, на всю русскую деревенскую зиму», — писал Леонид Максимович. — Именно таким и должно быть подобное издание, изобилующее самым разнообразным калейдоскопичным, увлекательно-познавательным, так сказать, витаминизированным материалом. От всей души я желаю ему успеха. Прочел «Ваму египетку о русских рожниках». Она мне тоже понравилась: умно, дельно и поэтично...» И далее простые, большого смысла слова: «Мне даже кажется, что в основе патриотизма лежит именно такая заветная тайна, о которой все благоговейно знают, но из целомудрия не поминуют вслух».

Не сию, до сего времени хожу под впечатлением этих слов. Как много теряет литература из-за недопонимания некоторыми авторами, что «в основе патриотизма лежит именно такая заветная тайна, о которой все благоговейно знают, но из целомудрия не поминуют вслух». А вот раздумья, высказанные в другом письме в ответ на мою статью в защиту Волги: «О единстве природы. С годами мне становится яснее, что при решении любых задач, предметом которых является родная природа, ее климат, ее здоровье, необходимо учитывать последствия нашей деятельности в масштабах ее комплексного благополучия. Все известные нам климатические и ландшафтные качества явились следствием бесконечно длительного воздействия образующих стихий. Надо помнить, что односторонним решением какого-то, чисто местного вопроса, хотя бы и в самом положительном смысле, можно нарушить многовековой, пускай не повсеместно, гармоничный природный баланс. Родная природа едина в своем существе, и кое-какие допускаемые нами ошибки могут быть вряд ли поправимы даже усилиями завтрашних, технически более оснащенных поколений. Описанная ниже операция производится на очень хрупком органе и в районе, где зарождается не

только песенная мать-река, но и безответная труженица в нашем народном хозяйстве: Волга. Как бы не ошибиться! В этом смысле статья... заслуживает, на мой взгляд, самого пристального внимания...»

Да, родная природа едина в своем существе, и предостережения о том, что «кое-какие допускаемые нами ошибки могут быть вряд ли поправимы даже усилиями завтрашних, технически более оснащенных поколений», полезно помнить всем-всем, независимо от возраста и специальности, от должности и места жительства, ибо это предостережение художника-прорицателя, мудрое слово которого проверено самой жизнью.

О воистину великом международном авторитете писателя и всечеловеческом значении его книг можно судить по программе научно-творческой конференции, хотя бы только по одной, по Московской, на которой его произведениям было посвящено сто десять докладов. Повторяю, сто десять докладов, в том числе и иностранных специалистов, на одной конференции! Такие события в культурной жизни случайными не бывают.

Помнится, все с нетерпением ждали, что скажет сам писатель. И вот он встал. Спокоен, бодр видом и голосом, будто и не было трехчасового заседания. Приведу хотя бы несколько леоновских фраз: «Для завершения того, что я пишу, мне потребовалось бы двадцать лет... Успею ли я сделать то, что созрело в течение всей жизни?.. Никогда в истории человечества не требовалось писателю с такой взыскательностью к себе думать, как сегодня... Мое ощущение: главная битва сегодня ведется не только в экономике, а за умы и сердца еще не родившихся людей... Писатель лишь тогда настоящий писатель, если он ставит перед собой программу, которая важнее всех программ века... Какой я писатель буду, если не могу предупредить свое Отечество, о чем могу предупредить?..»

Осмысливая отношение человечества к Леониду Леонову, лично я пришел к нерушимому выводу: пройдут годы, века пройдут, а ценители литературы, оберегая и улучшая свое моральное здоровье, будут сверять жизнь планеты, как по камертону нравственности с вековой надежностью, по леоновским книгам, в которых необходимый всем пророческий прогноз грядущего. Полностью оценить все леоновское наследие пока еще не в состоянии никому, как не под силу обладателям современной техники поднять или хотя бы передвинуть, не разрезая на части, асуанские творения древних египтян. Его мудрое, полезное всем народам творчество хочется сравнить со сказочным древом, столь богатым плодами, сколько ни тряс — на всех хватит, во все времена.

Петр ДУДОЧКИН.